

Автоматон мы задумываем как кино

Николя Бос, Van Cleef & Arpels

Екатерина Зиборова |

В этом году на выставке Watches & Wonders парижский ювелирный дом показал сразу три автомата, которые стали бы украшением музея декоративных искусств любой страны мира. Это Planetarium, Fontaine aux Oiseaux и Reveries de Berylline. О них рассказывал генеральный директор Van Cleef & Arpels Николя Бос.

— Как вам удалось привезти на выставку сразу три чуда?

— Это было частью давнего плана. Первый автоматон Fee Ondine мы представили еще на женевском SIHH в 2017 году. Фея Ундина, расположившаяся рядом с раскрывающимся цветком лотоса, тогда произвела на всех большое впечатление. Нам было ясно, что надо планировать продолжение. И вот пять лет спустя мы представляем сразу три новых произведения: Planetarium, Fontaine aux Oiseaux

и Reveries de Berylline. Они разные по принципу действия и техникам исполнения, поэтому над созданием каждого из них параллельно работали разные команды. И мы очень хотели показать три автомата сразу.

— За то, что они подоспели одновременно, спасибо пандемии?

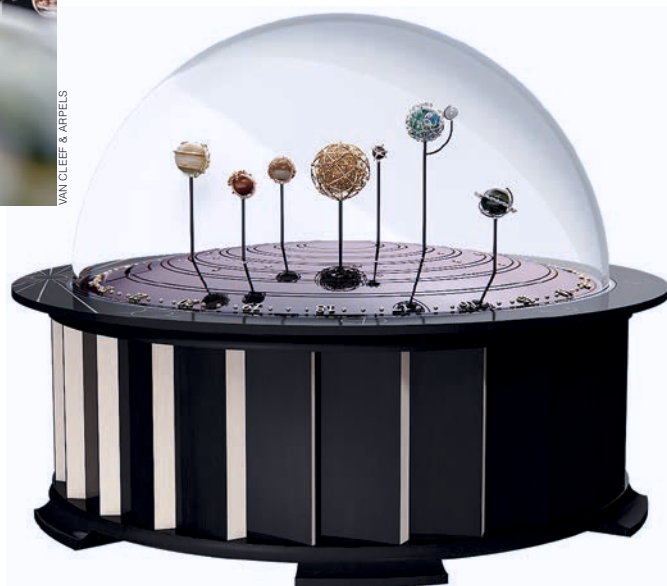
— Сложно заранее рассчитать время производства подобных объектов. Новое название выставки Watches & Wonders — «Часы и чудеса» — стало для нас настоящим подарком, мы с гордостью подумали, что можем проиллюстрировать оба слова, показать поэтическое видение времени, а не просто функциональные часы. А пандемия дала нам фору, чтобы осуществить задуманное, показать, что значит волшебство на языке Van Cleef & Arpels.

— Последние годы ювелирные и часовые бренды как будто соревнуются, у кого больше камни, коллекции.

Van Cleef & Arpels
Fontaine aux Oiseaux, часы-автоматон, вода из халцедона и горного хрусталя, кувшинка из лакированного золота, птицы и стрекоза из белого золота с бриллиантами, сапфирами и перламутром, а также эмалью plique-à-jour

Van Cleef & Arpels
Planetarium, астрономический автоматон-планетарий, вечный календарь, 15-дневный запас хода, специальная мелодия с музыкальной шкатулкой и карильоном, изображения планет из золота и разнообразных драгоценных камней

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

мы наконец-то пришли к миру между традиционным мастерством и новыми технологиями

— Высокое ювелирное искусство — всегда про большие камни и выдающиеся объекты. Раньше это было не так заметно, потому что вещи из мастерской сразу отправлялись к потенциальным клиентам, их не показывали ни прессе, ни публике. Сегодня больше событий, больше международной огласки. Но мне кажется, наши автоматы совсем не примеры мегаломании.

— Что было самым сложным при их создании?

— Добиться магии: сделать незаметной техническую основу и достичь плавности механического движения. Автоматон мы задумываем как кино. Важен сценарий, неожиданность развития событий, забавный сюжет. На первой секунде происходит то, на второй это, на третьей — птица поднимает крыло, на четвертой — вода приходит в движение. В Planetarium планеты двигаются размеренно, а потом начинают танцевать под специально написанную музыку. Перейти от организованным движениям к случайному невероятно сложно, потому что технически это две противоположные задачи. При этом движение и музыка должны начинаться синхронно, а потом все планеты должны вернуться в исходные позиции в одно и то же время. И это механика, здесь нет электроники — в этом главная сложность.

— Но ведь можно применять новые технологии? Или это, по-вашему, нанесет удар традиционным ремеслам?

— Думаю, мы наконец-то пришли к миру между традиционным мастерством и новыми технологиями. В наших ювелирных мастерских операции выполняются вручную, иногда

по рецептам тысячелетней давности. Потому что они по-прежнему гарантируют великолепные результаты. Но почему бы не использовать лазер или трехмерный принтер, новые химические вещества, новые оптические приборы? Если вы просто замените ремесло новыми технологиями, вы потеряете душу ремесла. Но, мне кажется, долгом мастера всегда было использовать лучшие инструменты, которые ему доступны. Автоматоны были редкостью в XVIII–XIX веках, сейчас, сохраняя ту же философию ручного труда, с помощью компьютерных систем мы производим более сложные и надежные механизмы в большем количестве.

— Какой из этих объектов вам дороже с художественной точки зрения?

— Van Cleef & Arpels все-таки ювелирный бренд, вся техническая часть выполнена выдающимися механиками, а птицы и планеты сделаны мастерами высокого ювелирного искусства так, как если бы они были очень крупными украшениями из золота, платины, драгоценных камней. Из-за размера мы обращались к техникам, которые не используем для украшений, — работе с эмалью, лаком, мозаикой из яичной скорлупы. Fontaine aux Oiseaux ближе всех к нашим ювелирным традициям, в нем больше всего драгоценных элементов. Planetarium ближе к традициям часового мастерства и производства астрономических объектов. Reveries de Berylline рассказывает истории про секреты и тайны. И все три показывают разные стороны нашего восхищения природой, которое так важно для Van Cleef & Arpels.